

В сентябре 2009 г. президент Европейской комиссии Хосе Мануэль Баррозу объявил о намерении создать должность главного научного советника при Еврокомиссии, а 5 декабря 2011 г. назначил на этот пост А. Гловер.

А. Гловер, профессор кафедры молекулярной и клеточной биологии в Абердинском университете (Шотландия), главный научный советник при Европейской комиссии:

«...Само собой разумеется, что президент Еврокомиссии не стал бы создавать этот новый пост (главного научного советника при Еврокомиссии. – Ред.), если бы не ожидал, что от моей работы что-то изменится. На самом деле при Еврокомиссии уже существует развитый консультативный аппарат, в который входят Объединённый исследовательский центр (JRC) – собственное очень уважаемое научное учреждение, Комиссия по оценке влияний (Impact Assessment Board), которая тщательно изучает возможные последствия принимаемых политических решений, и ещё ряд агентств и научных комитетов. Но при этом на политическом уровне не хватало независимого голоса науки, способного говорить то, что не могли сказать другие подразделения Еврокомиссии. Сейчас как изнутри Еврокомиссии, так и извне её я слышу такие отзывы: приход человека, который может громче заявлять о научных данных, даёт надежду на обновление. Я не думаю, что европейская политика изменится существенно только из-за того, что появился главный научный советник, но если я добьюсь того, что голос науки будет услышан на самом высоком уровне и по-настоящему принят во внимание в политических дебатах, это уже будет большое достижение.

<...> Я хочу повлиять на то, как Еврокомиссия получает, использует и распространяет научные данные, и помочь установить внутренние правила на этот счёт. Конечно, я понимаю, что наука – только один из аспектов, который берут во внимание при принятии политических решений. Однако если по тем или иным причинам (экономическим, социальным, этическим или предвыборным) политики решают не учитывать научные данные, они должны не скрывать этого и объяснять свои причины. Иначе у людей создаётся впечатление, что сами научные данные неверны.

Возьмите, к примеру, взвешенные рекомендации Европейского агентства по безопасности продуктов питания, которые отражают взгляды, разделяемые сотнями независимых исследователей. Некоторые государства – члены Евросоюза отклоняют эти рекомендации по мотивам, не связанным с

наукой. Разумеется, это их право, но они должны открыто заявлять об этих мотивах и признавать, что самим научным данным при этом можно доверять.

<...> У еврокомиссара и главного научного советника (европейский комиссар по исследованиям, инновациям и науке Майре Гокхеган-Куинн. – Ред.) чётко очерченные сферы полномочий. В то время как Майре Гокхеган-Куинн занимается развитием и претворением в жизнь политики в области исследований и инноваций (другими словами – политикой для науки), я являюсь голосом науки при принятии политических решений (другими словами – наукой для политики). Конечно, бывает, что наши сферы деятельности пересекаются, особенно когда речь идёт о продвижении европейской науки. Но это не проблема: чем больше голосов звучит за науку, тем лучше. В повседневной жизни сотрудничество проходит гладко, и мы только выигрываем от работы друг друга.

<...> Перед тем как попасть в Брюссель, я пять лет проработала главным научным советником шотландского правительства. И я думала, что этот мой опыт очень поможет мне на новой должности. Но я быстро поняла, что Европа – совсем другой фрукт. Во-первых, это разные масштабы: в Шотландии живёт 5 млн человек, в Европе – 500 млн. Так что размер проблем гораздо больше. Во-вторых, огромное культурное и языковое разнообразие – собственно, главная сила Европы – приводит к столкновению различных подходов и менталитетов. Это здорово, но это отнимает время. И в-третьих, механизмы принятия решений на европейском и национальном уровнях сильно различаются из-за особой структуры европейских институтов власти. Например, если я смогла убедить президента Еврокомиссии, что нужно поступить так-то, это совсем не означает, что я автоматически убедила и Европейский парламент, и Европейский совет, которые являются сильными игроками и существуют независимо. Это очень сложная архитектура, и, вероятно, именно в ней кроется одна из причин, по которым учёные до сих пор избегали иметь дело с Брюсселем.

<...> Я хочу показать, что политические решения гораздо более рациональны, если основаны на передовых научных данных. Мне хотелось бы, чтобы голос науки был услышан. Ещё я хотела бы помочь Еврокомиссии просчитывать свои действия на годы вперёд с помощью научно-технологического форсайта – в идеале мы уже сейчас должны понимать, какие политические решения нам понадобятся через пять-десять лет. И, наконец, я хочу повлиять на общественные дискуссии, касающиеся новых технологий. Если наука считает их безопасными, нужно принять их, а не бояться просто из-за внутренних ощущений. Если я смогу показать, что наличие главного

научного советника помогает в решении этих вопросов и таким образом помогает Европе сохранить или вернуть глобальное первенство, тогда я с удовлетворением скажу, что сделала свою работу хорошо» ***(Назаретян К. Биолог из Шотландии расскажет европейским политикам о науке // Наука и технологии России (http://www.strf.ru/material.aspx?CatalogId=221&_no=48973). – 2012. – 18.09).***